

Общие проблемы
политической концептологии

ГЕОПОЛИТИКА КАК ИДЕОЛОГИЯ¹

А.В. Оболонский

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Аннотация: В статье представлены аргументы в пользу трактовки геополитики как одного из широко распространённых видов «ложного сознания», т. е. идеологии. Автор показывает, что возрождение концепта геополитики, а также ассоциированных с этим концептом представлений о мире политики, было связано с актуализацией неоимперского взгляда на мир. В основе этих идеологизированных представлений о политике как арене реализации «внутривидовой» борьбы государств лежит социал-дарвинистский взгляд на мир, в соответствии с которым все народы являются врагами, конфликт между государствами – главная форма взаимоотношений между ними по принципу «игры с нулевой суммой», а все союзы, альянсы и блоки – лишь тактические уловки, не отменяющие имманентной общей враждебной сути. Иначе говоря, в основе идеологии геополитики лежит концепт «взгляда на соседей через оружейный прицел». Статья носит научно-аналитический характер и не предполагает непосредственной связи с вопросами текущей политики.

Ключевые слова: геополитика, идеология, ложное сознание, неоимперство, постимперский синдром.

Мне очень приятно участвовать в этой конференции по двум причинам. Одна – общего характера, другая – личная. Начну с общей.

1) ЮФУ, с моей точки зрения, один из ведущих центров **свободной** философской и политической мысли в стране. Одним из немногих сохранивших себя. И устойчивых. Многие другие свои философско-критические знамена по вненаучным причинам несколько свернули, а вы свое по-прежнему держите высоко и независимо. А это дорогого стоит, особенно в нынешние времена.

2) Вторая причина – из области формулы о роли личности. Я думаю, что трудно переоценить роль юбиляра в развитии и состоянии науки в этой области. Если бы не его неисчерпаемая интеллектуально научная и организационная энергия, думаю, многое было бы в отношении, о котором я сказал выше, иначе, хуже, труднее. Глядя на В.П. Макаренко, вспоминается, что в классической латыни слово *profess* означало: **исповедовать, выразить**

¹ Настоящий текст – буквальное воспроизведение устного доклада автора на конференции, посвященной юбилею Виктора Павловича Макаренко.

свои убеждения. И наш юбиляр всей своей жизнью напоминает нам об этом его исходном значении. Дай бог и нам бы всем почаще об этом вспоминать. А сегодняшняя конференция это в каком-то смысле «макаренковские чтения».

Теперь к своей теме. Она довольно печальна, но не безнадежна. А в конце я даже попробую добавить каплю исторического оптимизма

Во избежание кривотолков, с самого начала подчеркну, что последующие рассуждения носят научно аналитический характер и не предполагают непосредственной связи с вопросами текущей политики. Я предложу свою субъективную точку зрения, рассматривая, прежде всего, психологические и моральные элементы проблематики в историко-культурном и социальном аспектах.

К теме геополитики я обратился лет 15 назад, в основном, как к философско-историческому сюжету. Тогда она казалась не то, чтобы совсем архаикой, но все же не слишком уж актуальной, по крайней мере для нашей современной цивилизации. К сожалению, я, как и многие, ошибся. Клубок событий последних лет продемонстрировал обратное. Геополитика возродилась хотя и в слегка подновленном, но не менее опасном обличье. Распространение этого фантома, подобно ковиду, охватило целые регионы мира уже принесло и продолжает приносить множество несчастий и смертей в разных его частях. И поэтому концепт геополитики сегодня требует самого пристального внимания, поскольку за стремлением к его реинкарнации стоят реальные угрозы обще цивилизационного, даже экзистенциального плана. А наличие и расползание ядерного оружия придает проблеме в каком-то смысле даже эсхатологический характер. Ибо неоимперские химеры не ограничены каким-либо одним регионом, а возникают в самых разных частях света.

Сама логика геополитического рода, как говорится, стара как мир. Но избегну соблазна углубляться в историю. Отцом геополитики как концепции принято считать немецкого ученого 19 века Фридриха Ратцеля, рассматривавшего государство как развивающийся биологический организм, которому по мере роста необходимо все большее «жизненное пространство» (Lebensraum). Сам же термин ввел швед Юхан Челлен, главная книга которого «Великие державы» вышла в 1916 г., в самый разгар Мировой войны. В более близкие к нам времена возникли и новые термины, и более частные области: геоэкономика, геокультура, информационная геополитика, геополитическая география. Но принципиально конфронтационная ее суть от этого не изменилась.

Ведь геополитика (иногда ее предпочитают рассматривать в терминологии мировой политики) – это идеология, в основе которой лежит *социал-дарвинистский* взгляд на мир как на арену «внутривидовой» борьбы государств, борьбы, в которой меняются задачи, методы, промежуточные цели, но не сама суть: народы – враги, мир – ринг, государства – бойцы на нем, а конфликт – основа основ существования и взаимоотношений. Все союзы, альянсы, блоки – лишь тактические уловки, не меняющие имманентной враждебной общей сути. Взгляд на соседей «через оружейный прицел» как законченная идеологема стал влиятельным во многих европейских странах на рубеже XIX–XX веков, но в предельных формах, как основа государственной политики, расцвел несколько позднее, в нацистской Германии и ряде других стран. Да и политика СССР в послевоенный период тоже, мягко говоря, не избежала влияния этого «вируса». И человечество заплатило за отравление себя геополитическим интеллектуальным ядом жертвами двух мировых и множества «малых» войн, а также неизбежно сопутствовавших им войн с «внутренними врагами». Словом, геополитика – это насквозь пропитанный кровью и очень опасный *вид ложного сознания*. И он вернулся на мировую арену.

Налицо фактор отката, я бы сказал, мировоззренческого характера. Что и почему это произошло? Вопрос приобретает почти экзистенциальный характер, подобно тому, как это

было в середине прошлого века. Наука запрещает нам удовлетворяться конспирологическими версиями или ссылками на некую «злую волю». Не буду строить и частокол цитат, отражающих разные подходы к проблеме. А максимально самоограничусь. Из цивилизационного подхода Тойнби было бы удобно взять категории «вызов-ответ-надлом». Актуально и предостережение К. Поппера, считавшего еще далеко не завершенным этапом истории переход от общества закрытого, где индивид растворен в коллективности, взамен получая иллюзию защищенности, к обществу открытому, где он должен сам принимать личные решения. Такой переход неизбежно сопряжен со страхом свободы, с желанием и попытками вновь захлопнуть уже отворенную дверь. Роберт Ингхарт на эмпирическом уровне показывает культурный откат последних десятилетий и, в частности, рост ксенофобии и предлагает свои тому объяснения.

Мои задачи в данном случае гораздо скромней.

И исходным подспорьем может послужить недавняя книга Паина с превосходным обзором эволюции концепций эссенциализма и примордиализма. Следуя этой парадигме, мне кажется, что произошло возрождение второго с использованием арсенала первого: этнических стереотипов и пр. И тут перехожу к главному для меня вопросу – о **моральных и психологических основах происшедшего**. При этом меня меньше интересуют мотивы тех, кто тем или иным образом от этого выиграл. Таких не так уж мало, но с ними, с бенефициарами процесса, все более или менее понятно. И это все же явное меньшинство. Сюжет о них я затронул в статье, которая, надеюсь, выйдет в первом номере журнала. Сложней с мотивациями тех других, кто ни в чем от современного геополитического тренда ничего не выиграл, а то и проиграл, но тем не менее его поддерживает, порой достаточно активно и громко.

Многие склонны списывать это почти целиком на **пропаганду**. Разумеется, ее роль велика. Но само по себе признание этого факта не дает ответа на вопрос о причинах отсутствия к ней иммунитета. Ибо она хоть и шумная, но, в общем, довольно примитивная. Тут видятся две тонкости. Во-первых, пропаганда обычно особенно эффективна лишь тогда, когда падает на **благодатную почву, на глубинные установки**, пусть иногда неосознанные, и на стереотипы массового сознания. Во-вторых, пропагандистское идеологическое воздействие, как минимум, двухслойно. Поскольку, наряду с идеологией официальной, прямо и открыто выражаемой устами разного уровня публичных лиц, существует и другой слой – скрытый, теневой, латентный. Он обычно используется для продвижения идей и образов, чересчур одиозных для их прямой пропаганды. Один из способов – возвеличивание разными средствами определенных символических исторических фигур и их действий. По своему воздействию **теневая идеология эффективней явной пропаганды**. О ее характере и механизмах отсылаю к прекрасной коллективной книге Института философии «Философия и идеология от Маркса до постмодерна», к главе Рубцова о теневой идеологии.

А «благодатная почва» связана с феноменами так называемого **державного патриотизма и сакрализации власти**. Ведь государство в России всегда было чем-то особым, доминировавшим **над** всем остальным и тем более над индивидом. По сравнению с западным миром, его было и до сих пор остается значительно «больше», чем общества, и его воздействие на общественную жизнь существенно более универсально и многосторонне. Наша традиционная модель – большое государство и слабое общество. А «единица и вообще ноль», повторяя слова Маяковского, «ее голосок тоньше писка».

Тем не менее, даже этому якобы «нулю», нужна какая-то основа для **самоидентификации**. А Ф. Фукуяма вообще считает борьбу человека за признание идентичности важнейшим фактором. И сознание человеком собственного бесправия, в каком-то смысле даже ничтожества, требует компенсации в той или иной форме. Одна из таких форм (есть и другие) – сознание своей сопричастности чему-то великому. В данном случае – к величию Державы, Го-

сударства с большой буквы. И такое приобщение себя к победам и битвам державы придает человеку некое **иллюзорное самоуважение**, идентичность.

В том же ряду надо рассматривать и так называемую **стихийную низовую имперскость**, не без лукавства подверстываемую к государственничеству. Одно время ее очень активно муссировали. Аж директор Эрмитажа к этому приобщился, заявив: «Все мы государственники, все мы имперцы!» Так что сопряженный с национализмом «стихийный народный империализм» – эмпирический факт. Правда, лично мне кажется, что распространенность и значимость этого фактора преувеличены. Но с этим – к Э. Паину. У него есть на сей счет интересная эмпирика.

Важней, на мой взгляд, что это все компенсирует своего рода **комплекс национальной неполноценности**, который, к несчастью, не чужд значимой части нашего великого во многих отношениях народа. А он порой переворачивается, приобретая весьма агрессивную форму **культурного расизма**, по выражению одного питерского ученого.

Причины устойчивости этого комплекса, пути и шансы его преодоления – тема отдельная и очень серьезная. Думается, ее прежде всего надо обсуждать в категориях **глубокой ценностной деформации и деградации** общественного сознания. Здесь же ограничусь одним моментом, которому, впрочем, некоторые ученые придают статус «главного парадокса эволюции». Имеется ввиду нарастающий разрыв между «когортой» продвинутых, широко рефлексирующих людей и всеми остальными [Балацкий 2011]. Сам я по меньшей мере сдержанно отношусь к такому интеллектуальному снобизму по отношению к так называемому «глубинному народу». Полагаю, причины поразившей массовое сознание деформации следует искать глубже, в контексте таких психологических феноменов как «стокгольмский синдром», «виктимизация», демонстративный суперконформистский активизм, снижение чувства эмпатии по отношению к назначенным «врагам», романтизм вседозволенности

Важную роль сыграл, на мой взгляд, так называемый **постимперский синдром**. Мы в этом не уникальны. Похожее пережили и многие другие страны: Англия, когда из империи, над которой не заходит солнце, она почти в одночасье превратилась в полтора небольших острова на краю Европы, Австрия после краха империи Габсбургов, Франция после потери Алжира и других африканских колоний, даже маленькая Португалия. И во всех этих странах много болезненного происходило. Но у нас он плюс к тому отягощен еще и синдромом пост-тоталитаризма.

Немного о **патриотизме как моральной категории**. Само понятие, как минимум, двойственно. Надо различать патриотизм формально-казенный», идущий от «начальства», и по-человечески искренний, идущий изнутри человеческих душ, патриотизм *государства* и патриотизм *страны*, в которой живешь. Не говоря уж о том, что существует и третий патриотизм, локальный, связанный с местностью или городом, и вообще не имеющий прямого отношения к ныне существующим государственным границам. Мне очень нравится развивающаяся сейчас тенденция изучения местных, локальных историй, в частности, многолетний проект Мемориала «Человек в истории 20 века», в рамках которого дети, старшеклассники из самых разных городов и даже сел собирали материалы и писали эссе по истории своих поселений и жителей. А одна моя знакомая говорит о себе: «Я патриот Москвы и московской области». Уверен, и в Ростове таких немало. Но здесь речь о других, двух первых упомянутых типах патриотизма. Их часто сознательно перемешивают в политических целях. Между тем **Патриотизм отнюдь не синоним верноподданности, низкопоклонства перед политической верхушкой**. На этот счет есть масса замечательных рассуждений наших великих соотечественников, в том числе – Толстого, Герцена, Салтыкова-Щедрина и многих, многих других. Просто нет возможности здесь их цитировать. Лишь напомним о толстовской статье «Христианство и патриотизм». И еще – к политике в чистом виде надо добавить и сугубо ма-

териальный фактор. У того же Салтыкова-Щедрина много об этом есть. Например: «На патриотизм стали налегать, надо карманы проверить». Думаю, к казенному патриотизму больше подходит слово *квазипатриотизм*.

Здесь нельзя хотя бы не упомянуть еще один важный момент. Патриотизм, даже здоровый, от его перерождения в национализм, его отделяет тонкая красная линия. Причем сначала она почти незаметна. А в какой-то момент начинается лавинообразный процесс. Еще наш великий философ В.С. Соловьев заметил, что в России даже самый умеренный национализм превращается в «бешеный», неумолимость сползания по четырехступенной «лестнице» – национальное самосознание – национальное самодовольство – национальный эгоизм – националистическая ненависть. Позитивные элементы национальных чувств исчезают, уступая место шовинистической злобности по отношению к другим, особенно «назначенным на роль главных «злодеев» представителям той или иной нации. И это, увы, работает. Так что игры с патриотизмом не лишены опасности.

Еще нельзя хотя бы не упомянуть о идеологеме «особого пути» и всем, с этим связанным. Об этом немало написано, причем с разных позиций. Ограничусь лишь суждением, что популярность «особого пути» обычно связана с периодом неблагополучия в жизни той или иной страны, временем серьезных проблем и неудач. И тогда находит отклик мысль, что испытания, ниспосланы нам именно в силу нашей «уникальности» и исходят от некоего Высшего замысла. Тому есть немало исторических примеров, и зарубежных, и отечественных. Равно, как и претензии на мессианство. Так, в не слишком благополучном для Британии 17 веке там писали, что страна избрана богом для «особой миссии», вплоть до того что «Бог был англичанином». А в Португалии примерно в то же время, когда страна была в крахе, «выяснилось», что она – Лузитания – ни много, ни мало – часть Божественного плана по сотворению мира и что к первому их правителю Бог специально спускался с неба и инструктировал его по вопросам «государственного строительства». У евреев с Богом тоже был «особый договор» О немецком «Sonderweg» итак все известно и понятно, куда он завел страну (вспомним лишь строку из великого поэта Генриха Гейне: «как жалко ползают по земле все нации другие»).

В общем, представляется, что идеологема особого пути есть легитимация *социальной философии вражды*, новое издание социал-дарвинизма.

Итак, в целом, геополитика, по моему мнению, – это насквозь пропитанный кровью *вид ложного сознания*. Разумеется, он должен изучаться и анализироваться, и даже очень тщательно, но как история тяжелой болезни человечества, либо как своего рода политическая криминология. Иное, т. е. взгляд на мир как бы через ружейный прицел с презумпцией, что государства – всегда враги, и выигрыш одного всегда есть проигрыш другого, или как на шахматную доску, где целые народы – лишь фигуры на доске, а люди в лучшем случае пешки, а то – и просто пылинки, не просто антигуманитарен, а глубоко аморален в своей основе независимо от намерений и планов его выразителей. В юридической парадигме этот последний вариант, думаю, можно описать через понятие «добросовестного заблуждения».

В завершение скажу, что не разделяю фатализма исторических пессимистов, что мы обречены на бесконечное циклическое повторение «дня сурка». Но и опасностей нынешнего исторического момента не склонен недооценивать. Исторический прогресс не приходит автоматически. За него надо бороться, противостоя тенденции заталкивания страны все в ту же «колею», пусть и во внешне технологически модернизированных формах. Ибо она принципиально неспособна принести людям благополучие и свободу. Но **свобода не бывает бесплатной**. Особенно в условиях незавершенной модернизации. Поэтому завершу предостерегающей и весьма актуальной цитатой из Карла Поппера: «Чем старательнее мы пытаемся вернуться к героическому веку племенного духа, тем вернее мы в действительности придем

к инквизиции, секретной полиции и романтизированному гангстеризму... нам следует найти опору в ясном понимании того простого выбора, перед которым мы стоим. Мы можем вернуться в животное состояние. Однако если мы хотим остаться людьми, то перед нами только один путь – путь в открытое общество [...] Чем старательнее мы пытаемся вернуться к героическому веку племенного духа, тем вернее мы в действительности придем к инквизиции, секретной полиции и романтизированному гангстеризму... нам следует найти опору в ясном понимании того простого выбора, перед которым мы стоим. Мы можем вернуться в животное состояние. Однако если мы хотим остаться людьми, то перед нами только один путь – путь в открытое общество» [Поппер 1992: 248].

И в заключение приведу мою любимую фразу Даниила Хармса. Она хоть и «антинаучна», но зато оптимистична: «Жизнь побеждает смерть неизвестным науке способом». Разумеется, не будем считать это отрицанием науки, а лишь напоминанием об ограниченности ее возможностей. Что никоим образом не умаляет ее социальной ответственности.

Балацкий Е.В. 2013. Закономерности и парадоксы социальной эволюции. – *Общественные науки и современность*. – № 2. – С. 138–150.

Поппер К.Р. 1992. *Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона*. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива». – 448 с.